

АЛЕКСЕЙ ГОРЯЙНОВ

МИСТИКА СТРАНСТВИЙ

ЧАСТЬ II

— ◆ —
Путешествия по Юго-Восточной Азии

Записки о сверхвозможностях человеческого сознания

Алексей Горяйнов

Мистика странствий

«Автор»

2026

Горяйнов А. Г.

Мистика странствий / А. Г. Горяйнов — «Автор», 2026

Христианские, буддистские, индуистские, даосские, суфийские и другие знания о сверхспособностях человека тесно переплетены. «Ладакх. Опыты тантры, полученные в горах Малого Тибета» - документальный роман. В нем автор на фоне различных приключений в горах знакомит читателя с реальными восточными духовными практиками. Слово тантра включает в себе широкое смысловое значение. Корень «тан» означает распространять, корень «тра» - спасать. Распространяя великие знания, Тантра тем самым спасает человека, затерянного в непостижимом океане бытия. Дорогие читатели! Приглашаем вас вместе с автором пережить удивительные приключения и прикоснуться к тайнам духовных традиций древнего Востока!

© Горяйнов А. Г., 2026

© Автор, 2026

Алексей Горайнов

Мистика странствий

ЧАСТЬ II

ИНДИЯ: ВОСТОК-ЗАПАД

Интерес к эзотерике привел меня в город Пондичерри, что находится на юге Индии. Вместе со своими друзьями, приверженцами интегральной йоги, я поселился в гостинице ашрама Шри Ауробиндо и Матери*, наслаждался экзотикой, океаном, но скучал, когда речь заходила о духовном, потому что в тот период меня еще больше интересовали игры материального мира...

В ашраме

Вначале – что такое ашрам? Это священная обитель, где живет группа учеников Мастера Мудрости. Я взял напрокат велосипед, разъезжал под палящим солнцем по улицам города, близлежащим деревням, общался с горожанами, деревенскими жителями, рыбаками и много фотографировал. А наши йоги проводили большую часть времени в медитациях с учителями. Но обедал я в столовой ашрама вместе со всеми, и почему-то практически одна и та же ежедневная пища: рис, овощной суп, протокваша и бананы не приедались. Мне говорили, что это свойство благодати делать еду вкусной.

Впечатляла организация жизни в ашраме: кругом чистота, порядок, двор утопает в цветущей зелени. Тысячи людей накормлены, лица их светятся внутренней радостью, плечом к плечу за обеденным столом или на общей медитации сидят люди с разным цветом кожи, говорящие на разных языках, но объединенные каким-то одним внутренним смыслом.

Везде висели украшенные цветами портреты Матери (мирское имя Мирра Альфаса). И хотя Мать ушла из жизни давно, говорят, что в ашраме она пребывает на тонком плане. Через тишину внутри себя ей можно задавать вопросы и получать ответы. Неожиданно для себя, глядя на умиротворенное лицо этой женщины, я стал мысленно с ней разговаривать. Я благодарил ее за то, что она сделала для человечества. Ведь взять даже город Ауровиль. Никто во всем мире до нее не мог воплотить идею о Городе Солнца, где все живут счастливо, во всеобщей гармонии, где нет денег, и каждый трудится на благо другого. Вспомните знаменитые романы Томаса Мора и Кампанеллы. Их идеи считались утопическими. Ауровиль же стал реальностью.

Этот город был заложен в 60-х годах недалеко от Пондичерри в выжженной солнцем пустыне, но сейчас это цветущая саванна. В городе с его хорошо развитой инфраструктурой счастливо живут представители 120 стран мира.

Мать совершила еще много добрых дел во благо людей и помогала им быть бескорыстными. Интересно, что когда один из спонсоров пообещал денежное вложение в ашрам, но взамен попросил отметить его добродетель мемориальной доской, Мать сказала, что она согласна выставить не одной, а даже множеством досок с его именем, но только полы в подвалах ашрама.

Постепенно местная жизнь и быт меня увлекли. К тому же этот ашрам был не похож на другие: концерты, выставки, спортивные мероприятия, парады с духовым оркестром, занятия музыкой под руководством известного американского учителя и еще многое-многое – открывали. Однажды откуда-то ко мне пришло знание, что здесь, в Индии при определенной работе почти все задуманное реализуется, открывается что-то такое, что не может увидеть обыкновенный человек. В дальнейшем, когда йогин углубленно работает над собой (не обязательно в Индии) может даже возникать спонтанная материализация его мыслей. Поэтому нужно уметь владеть своим разумом, чтобы не навредить себе и другим.

Особое пространство

Казалось, моя жизнь текла обычным порядком. На велосипеде я каждое утро ездил купаться – либо за семь километров на пляж Ауровиля, либо в противоположную сторону – к маяку. Обычно выезжал рано, пока не так припекало. Утром на дорогах особенно людно: взрослые торопятся на работу или по каким-то делам, дети с бутылками в корзиночках и ранцами за плечами группами направляются в школу. Иногда можно увидеть, что какая-нибудь мамаша в сари или парандже, умудрившаяся разместить на своем мотороллере еще и двух-трех малых чад, лихо лавирует между сонмом мотоциклов, велосипедов, автомобилей. Вся эта движущаяся живая масса гудит, галдит, сигналист, рикши трещат своими мотоколясками. Одновременно вдоль обочины ползет-пылит трактор или запряженная волами телега. И вдруг дорогу им внезапно перекрывает стадо коз или переходящая дорогу корова.

Каждый раз я размышлял: как же в этих устремленных навстречу друг другу потоках никто не сталкивается, не происходит аварий. Похоже, и я был взят кем-то незримым под особую охрану. Иногда казалось столкновение моего велосипеда с другим транспортом неминуемо, но в каких-то 2-3 сантиметрах мы разъезжались. Или в другой раз я мчался в толпе из сотен едущих людей, дорога вдруг резко сужалась, и вся эта движущаяся масса каким-то непостижимым образом втискивалась в пределы дороги. Никто даже не касался друг друга. В такие моменты ощущение было такое, будто бы пространство расширяется...

Общаясь в ашраме с йогами, я услышал совет: если тебя что-то волнует, задай вопрос в пространство и получишь ответ, он здесь приходит быстро. Тысячелетиями намоленная благостная аура Индии создает особое энергетическое поле. И у меня как-то само собой сложилось, что я стал общаться с незримым планом. Я размышляю, а вскоре вижу реализацию. Несколько раз я задавал в пространство вопрос: «Неужели люди Ауровиля действительно находятся под защитой высших сил?» И вот произошло то, что дало ответ на мой вопрос.

Чудо

В тот день я возвращался из Ауровиля на велосипеде, проведя утро на медитации в Матримандире. Матримандир, сердце Ауровиля, – фантастическое сооружение, имеющее форму огромного золотистого шара. О нем нужно говорить отдельно. Я подъехал к перекрестку и стал пропускать идущий по очень оживленной трассе транспорт. Рядом остановилась пара американцев на мотороллере – он и она, оба среднего возраста. Мужчина сухощав и энергичен, а она мне показалась неповоротливой пышечкой. Такие американки, наверное, много едят гамбургеров и не думают о физкультуре. Американцам тоже нужно было пересечь шоссе. Как и я, они, очевидно, направлялись на пляж Ауровиля.

У перекрестка мужчина сошел с мотороллера, а женщина, увидев, что слева и справа свободно, рванула вперед, но не посмотрела, что навстречу выезжает такси. Сильный удар произошёл так близко от меня, что я вздрогнул. Женщину, как из катапульты, выбросило с сидения. То ли испуг, то ли что-то другое дало возможность мне видеть весь ее семиметровый полет «покадрово». Время словно замедлило свой бег. Вначале она летела, расслабленно болтая руками и ногами, словно какой-то гигант швырнул огромную куклу. Ее постепенно заваливало набок, и когда до обочины с торчащими камнями оставалось пара метров, я увидел, что ее вдруг что-то удержало над землей, будто это были какие-то сильные невидимые руки. Она как бы зависла. Долей секунды было достаточно для того, чтобы она успела подтянуть ноги к подбородку и обнять их руками. В следующий момент американка уже колом перекатилась по земле и быстро встала на ноги. Немыслимо! Фантастика! Никто не мог бы такого сделать, даже суперacrobat! На дороге моментально собралась толпа, но спутник женщины, увидев,

что все обошлось, замахал руками, чтобы люди расходились, и покатил куда-то покоренный мотороллер. Она шла с ним рядом невредимая. Ошеломление и одновременно спокойствие отражалось на лицах американцев.

Путешествие через всю Индию

Путь к духовному совершенству долог. Душа, переходное звено между духом и телом, периодически возмущается. Происходят «откаты» назад, и хочется обычных чувственных впечатлений. Вдруг назрела решимость в одиночку пересечь Индию, исследовать западное побережье, узнать, как люди живут там, посмотреть интересные места. Друзья же советовали мне продолжать ходить на медитации. Они считали, что в путешествиях я попусту растрату энергию, которую можно использовать более продуктивно в работе над собой. Но я знал, что проходя через испытания обычной жизни, человек тоже совершенствуется.

И вот в День рождения Матери (на Даршан съехались йоги со всего мира) мне будто кто-то шепнул: «Не дрейфь, парень, хочешь путешествовать, действуй! Ты легко в одиночку проедешь всю Индию и благополучно вернешься назад». Совсем недавно, в Москве, этот разговор с самим собой показался бы мне сумасшествием. Но не здесь. Этим же вечером я отправился на автобусе в Тируваннамалай.

В Тируваннамалае я посетил ашрам Шри Рамана Махарши, великого йогина, прошедшего в пещерах на склоне горы Аруначала много лет в медитациях. Получив от незримого мастера благословенную энергию, я спустился по склону горы к большому храмовому комплексу. По пути еще успел пообщаться со священником возле его маленькой, примостившейся на склоне часовенки и покормить бананами обитающее здесь семейство обезьян. Кстати, вспомнил другого священника из города Канчипурам. Тот построил на холме возле моря крошечный храм и приютил у себя в сторожке множество бездомных собак, большинство из них теперь спит на его кровати. Старик же, чтобы не нарушать покой питомцев, ночует прямо на земле.

Внутри комплекса находятся храмы, посвященные индуистским божествам, бассейн для омовений и тенистые аллеи. Приставший ко мне гид, как ни странно для жителя столь благочестивой страны, страдал похмельем, но терпеливо, долго посвящал меня в особенности индуизма, а напоследок полил себя и меня водой из священного бассейна. Однако, похоже, ему неполегчало.

Затем я сел на рейсовый автобус и отправился в Бангалор. Дорога заняла шесть часов. Автобус останавливался в каждой деревне. Пестрая толпа индусов выходила и другая вваливалась в салон. На остановках в проходе между сиденьями появлялись один за другим торговцы воды, бананов, восточных сладостей и прочей всячины. Они наперебой предлагали свой товар. Пассажиры были разные и, судя по внешности, от некоторых стоило держаться подальше, чтобы не подхватить какую-нибудь заразу.

По количеству населения Бангалор превышает Дели. Пешеходов, велосипедистов, мотоциклистов, автомобилей здесь, как тараканов в общепите. Все куда-то спешит, непрерывно сигнализирует и все это при почти пятидесятиградусной жаре. Надо было поскорее уносить отсюда ноги. Мне повезло. Со второй попытки оказался на нужном вокзале и на ходу вскочил в вагон уже уходящего поезда. Но вагон этот предназначался только для женщин. Они загладели, требуя, чтобы я ушел. Просьба потерпеть меня до следующей остановки на них не действовала. Женщины рванули стоп-кран и выпихнули меня наружу. Я тут же запрыгнул в следующий, технический вагон. Проводники смотрели на меня ошарашено. Я сказал им, что не успел взять билет. Подумал: «Ну не вышвырнут же они меня на дороге». В итоге уговоры на английском и мое международное удостоверение журналиста подействовали на проводников: мне сначала выписали штраф, потом билет и нашли вполне комфортное спальное место.

Утром разбудили разносчики: «Кофи, кофи, кофи! Чай, чай, чай!» – звучало почти по-русски. Одни продавцы заходили на полустанке, другие выходили. Разносчики предлагали сладости. За окном мелькали пальмовые леса, убогие тростниковые хижины, рисовые поля. Я не решился отвесть что-либо из предлагаемых яств, вспомнив заповедь «на Бога надейся, а сам не плошай!» Инфекцию в Индии получить легко.

Интересная пара индусов ехала напротив меня. Ему на вид шестьдесят, ей не больше сорока. Она красавица, он обычный худощавый индус, но животик висит. Жена спала на третьей полке, он на второй. Когда супруги спустились вниз, он сразу стал прихорашиваться, а она выполняла любую его просьбу. Он шевелил пальцем – и она расчесывала его волосы, шевелил другим – и она подавала ему бутылку с водой. Мне показалось, что лицо женщины моментами вспыхивает молчаливым презрением, но она все прихоти мужа выполняла беспрекословно. Вот что значит восточные отношения мужчины и женщины!

На велосипеде вдоль океана

Наутро я оказался в Мангалоре, который располагается на западном побережье, почти на 500 км южнее ГОА – штата, в который я так стремился, но в силу обстоятельств не попал. Рикша доставил меня в тихий отель с ухоженными пальмовыми аллеями и цветущими газонами – вдоль них разноцветными рядами стояли добротные бунгало. На следующий день арендовав велосипед, я поехал на юг по трассе, выходящей вдоль берега. У дороги постоянно возникали зеленоверхие мечети: юго-восточное побережье – край мусульман. Почти каждый встречный кричал мне вдогонку: «Откуда ты? Как тебя зовут?». «Русский! Алексей!» – отвечал я. И в ответ слышалось: «У меня теперь есть друг Алексей!» В полдень солнце раскалилось так, что мне в каждом поселке приходилось останавливаться возле продавцов кокосовых орехов, чтобы утолить жажду кокосовым молочком. Окружающие смотрели на меня, как на инопланетянина.

В одном месте увидел маленький придорожный храм, а возле него огромную статую Бога обезьян Ханумана. Водители-дальнобойщики останавливались, усердно молились ему, чтобы он охранял их в пути. Я тоже положил в храмовую копилку несколько рупий и вспомнил слова одного великого йогина, который сказал: «Мы есть плод наших прошлых мыслей». Индусы верят в обезьяньего Бога, он для них существует и помогает им.

Преодолев по жуткой жаре 45 км, я из последних сил въехал на улицу города Касаргора и остановился отдышаться. Здесь, как уже повелось, вокруг меня сразу собралась толпа зевак. Один молодой человек с четками в руках предложил мне экскурсию к океану. Я запер велосипед на замок, пересел на его мотоцикл, и мы поехали. Освежившись морской водой в стороне от устья мутной реки и снимав на фотоаппарат красивые виды, мы стали возвращаться, но проезжая мимо богатых коттеджей, Ассу, так звали моего нового знакомого, предложил заехать к нему в гости.

Дома он познакомил меня со своим старшим братом, а тот, по праву старшинства, представил меня домашним и в первую очередь – маме, одетой в нарядное платье по случаю появления гостя. Молодые женщины, блистающие в расшитых золотом и серебром одеждах, прикрывая лица, выглядывали из глубины соседней комнаты. Глаза их искрились озорным любопытством, слышался веселый смех.

Ощущение благодати при общении с людьми незнакомого мне вероисповедания не покидало меня. Я получил еще один урок того, что единство людей существует независимо от их веры. И когда, опаздывая, я мчался на велосипеде к поезду, то уже не слышал дотоле мнившихся мне агрессивных ноток в громкоголосой проповеди муллы...

ГОА

«Запад есть запад, восток есть восток, и им не сойтись никогда!» – писал в одном из стихотворений Редьярд Киплинг, хорошо знавший Индию. Я решил лучше узнать, в чем отличие восточного побережья от западного и отправился на север, в штат ГОА.

Ехал в общем вагоне. Сидя возле открытого окна, созерцал проплывающий за окном уже во многом знакомый гористо-джунглиевый ландшафт. Один раз поезд притормозил в горах. Откуда ни возьмись, возле вагона появились обезьяны. Пассажиры стали бросать им шкурки от бананов. А одна чем-то недовольная мартышка швырнула банановую шкурку обратно. Тогда я кинул ей банку пепси-колы, которую она лихо открыла и так же лихо выпила.

Через шесть часов я вышел в Маргаоне. Здесь, по словам попутчика индуса, можно было прекрасно отдохнуть на побережье. Этот индус также порекомендовал мне вместо рикши взять возле вокзала мотоциклиста. На ГОА, как ни в одном другом штате, существует байкерское такси. Оно намного дешевле. Через полчаса я уже был в отеле «Кальмар», расположенном на самом берегу океана.

В вечерних сумерках вся набережная светилась огнями. В ресторанах с надписями «Sea food» играла музыка, в некоторых выступали музыканты, а рядом ласково плескались волны... Еще когда ехал с байкером Анваром на мотоцикле (снова арабы оказались ко мне благосклонны!) отметил, что штат ГОА отличается ухоженностью: нет мусора, разбиты скверики, нет просящих милостыню. Впрочем, и в мусульманском штате Керала, казалось, было больше порядка и достатка, чем в штате Тамил Наду на покинутом мною восточном побережье. Но зато Тамил Наду – это особая экзотика и вообще особое пространство!

Вечером, ужиная в одном из ресторанов, заинтересовал своей персоной проститутку. Эта смазливая девушка-славянка сидела за отдельным столом у эстрады и весьма фривольно вела себя с соседями индусами, крутилась возле выступающих музыкантов, и каждый раз, проходя мимо меня, пыталась невзначай задеть, чтобы я заговорил с ней. Но я, словно истинный йог, сохранял каменное спокойствие, размышляя над преходящим и вечным...

Весь следующий день Анвар возил меня по штату. Мы были в городе Васко да Гамы, в столице штата – Панаджи с его шикарными набережными, дорогими катерами у причалов и богатыми домами. На обратном пути снова свернули на второстепенную малоскоростную трассу – она так уютно вилась под пальмами вдоль океана и многочисленных деревенок. Мне хотелось еще раз увидеть белеющие лотосами лесные протоки, ощутить тонкие запахи пропахшего рыбой бриза и неповторимый аромат древесного дыма, которым иногда тянуло от хижин через изгороди цветущих растений. По пути местами пахло благовониями, а то вдруг казалось, что какой-нибудь сказочный великан раскуривает огромную порцию марихуаны в густом лесу...

Домой

В Маргаоне Анвар посадил меня на комфортабельный автобус «Вольво», в котором я ехал ночью и достаточно хорошо выспался. Но, попав в сумасшедший Бангалор, я снова не знал, как отсюда побыстрее уехать. Однако, поменяв нескольких рикш, я, наконец, добрался до нужного мне автовокзала и успел прыгнуть на ходу в раскрытые двери уходящего автобуса (окна и двери в общественном транспорте никогда не закрываются). Это ли не чудо: снова не хотелось оставаться в жуткой городской громаде – и во второй раз в самый последний момент удалось заскочить в транспорт!

В автобусе познакомился с забавными старичками. Они ехали в ашрам Шри Романа Махарши и, узнав, что я интересуюсь йогой, приглашали меня пожить с ними, обещая бесплатное жилье и еду. «Нет, отцы, – сказал я им, – давайте пока без меня. Я еще не настолько духовный, чтобы все бросить». Мне не терпелось к своим, хотелось возле храма Ганеши снова

увидеть добрую слониху Лакшми с арийской свастикой на ушах. Она так забавно захватывала хоботом пучки травы и монеты...

Старички-йоги расспрашивали о России, о том, как нам живется, а потом один, пристально посмотрев на меня, сказал незабываемую фразу: «Алекс, если будешь пить вино, есть мясо и заниматься сексом, то в следующей жизни будешь тигром или обезьяной!» Довольно любопытная теория, а я-то думал, что все намного сложнее!

В Тируваннамалае я расстался со стариками. А следующий случай поверг меня в шок...

Клопы

Пересев в автобус до Пондичерри, я обратил внимание на то, что кресла салона обиты не как обычно дерматином, а дорогим велюром. Понятно, что велюр собирает много грязи, и это вызывало брезгливость. Увлечшись индийским музыкальным триллером (фильмы, как обычно, крутили по телевизору во всех рейсовых автобусах) я не заметил, как ко мне на футболку и джинсы выползло два здоровенных, напившихся чей-то крови клопа. Хаотично сообщая, успели меня укусить эти твари или нет, и если укусили, то какое нужно применить противоядие, я стал осматривать себя со всех сторон, привставать, отряхиваться. Это тут же привлекло внимание пассажиров. Сидевший возле меня улыбочивый юноша спросил:

- Что, кусают?

- А то! – чуть ли не вскричал я.

- Ничего, – равнодушно сказал другой сосед, – не съедят. Это не страшно...

- Что значит не страшно! – сказанное возмутило меня до предела. – Это для вас не страшно, а для меня ваша зараза, – я ущипнул себя для наглядности за руку, – это, это, это...

Вспомнив про страшные болезни, которые распространены в Индии, я впал в ступор, по телу расползлся мурашками страх, по спине побежали холодные струйки пота. Я вдруг стал нервно чесаться, но следов укуса нигде не обнаружил. Народ сзади покатывался со смеху. Потом какой-то добряк потянул меня за рукав, освобождая место на заднем сиденье у открытой двери.

- Садись, здесь с тебя всех клопов сдует! – сказал он приветливо.

Так я добрался до Понди, как ласково называли мои друзья Пондичери.

А потом снова был ашрам Матери и Шри Ауробиндо. И на душе было как никогда легко...

Эпилог

Совершив путешествие по южной Индии, я сделал вывод, что в наше непростое время, когда запад охватил финансовый кризис, восток продолжает жить своей неторопливой приветливо-философской жизнью, как и много лет назад, в единении с природой. Европейец почти для каждого индийца друг, а для некоторых почти что бог, обладающий несметными богатствами. Посудите сами: 100 долларов в месяц хватит на жилье, еду и некоторые развлечения.

Москва, апрель 2009 г

ПО КРАЮ ПРОПАСТИ – ПУТЬ В ЗАПРЕДЕЛЬНОЕ

В Гималаях

Встреча со Свами Дхармой Сумираном была назначена в ресторане на крыше отеля Шри Кришна в Дели на Мейн базаре. Оттуда все, кто прибыл в паломническую поездку - человек сорок - двинули на поезде в Харидвар, а далее, разбившись на группы по четыре-пять чело-

век, на джипах – в Массури. Это курортное местечко уютно расположилось на хребте горы на высоте 2000 м над уровнем моря.

Прекрасная панорама предгорий открывалась из окна гостиничного номера, в котором разместились я и двое моих друзей из Москвы. Как говорится, что еще надо: будь всем этим, находишься в созерцании, тем более что и друзья почти йоги... Однако каждое утро я делал зарядку на крыше нашего втиснувшегося в скалу отеля...

Как-то пришлось краем глаза понаблюдать за поведением обезьян... Одновременно, стараясь быть как можно более безразличным к ним, я созерцал величавое спокойствие покрытых лесом гор... Несколько лемуров из большого стада пытались перелезть через забор соседней виллы, чтобы сорвать яблоки, но сторожевая овчарка их то и дело отгоняла. Однако правильное распределение ролей вскоре позволило обезьянам возвращаться на скалы с добычей. В тот момент подумалось, что когда люди правильно организованы, то это помогает повысить качество жизни...

Особенно красива округа была вечером, когда, таинственно меняя освещение, за отроги по правую руку садилось оранжевое в сиреновом ореоле солнце. С угасанием неба внизу отдаленными бесчисленными светлячками обозначались контуры низинного Харидвара. В это время проходящая под отелем улица еще больше заполнялась людьми, сильнее пахло растениями и благовониями, а из ресторанчиков начинала громче раздаваться индийская музыка.

Свами Сумиран, достаточно молодой человек, но уже реализованный мастер адвайта-веданты, собирающий на семинарах в Москве большое количество учеников, каждый вечер давал сатсанги в зале ресторана нашей гостиницы. Представлялась такая возможность просветления... Но меня неудержимо потянуло к истокам Ганги*, как только я узнал о возможности заказать машину с водителем на три дня за небольшие деньги.

Решение ехать приходило мучительно: на весах с одной стороны был уютный, даже можно сказать, роскошный быт, созерцание гор и прекрасной природы в ежедневных прогулках с мастером к местам силы и буддийским храмам, размышления об иллюзорности мира на сатсангах, а с другой – сотни километров над пропастями и неясная цель. Ну, побываю на одном из четырех истоков Ганги – Гонготри, а что это даст? Ольга, продвинутый эзотерик-практик, действительно отговаривала меня от поездки, объясняла, что это во мне играет эго, а задача йога – умалить его в себе. И, как дополнение, она приводила веские аргументы: «А вдруг ты не успеешь к отъезду группы, где ты нас потом будешь искать?» Еще отягощала задачу простуда с осложнением на желудочно-кишечный тракт. Правда, мою болезнь Ольга объясняла тем, что в Гималаях из-за сильных энергий организм просто начинает чиститься, вызывая страдания.

Но снежные пики семитысячников, которые мы с группой так подробно рассматривали со смотровой площадки в подзорную трубу, неотступно притягивали мои мысли, манили казавшейся близостью. Удастся ли еще когда побывать в этих краях?

Целый день я размышлял о предстоящей поездке, борясь со страхами и сомнениями. Решение принимал как никогда мучительно.... В результате о машине с администратором отеля удалось договориться только поздно вечером. А ответ о том, что машина будет точно, он вообще дал в двенадцать ночи, когда я уже почти засыпал, ведь чтобы достигнуть Гонготри засветло, выезжать предстояло в пять тридцать. После звонка администратора по гостиничному телефону пришлось вставать и идти вносить задаток – таковы были условия поездки.

Когда снова лег на раскладную кровать (она была поставлена вдоль широченного окна и предназначалась для третьего в номере), долго не мог забыться. Мысли терзали, не давая проходить по телу уравнивающим энергиям. Надеялся восстановить силы, хотя бы пребывая в полузабытии. Такое состояние – не сон и не явь – я иногда ощущал ночью, но в последнее время оно приходило редко, потому что, работая, сильно уставал и обычно сразу проваливался в бездну.

«Впрочем, - размышлял я - Чему быть, того не миновать...» Стараясь находиться здесь и сейчас, я порой чуть приоткрывал ресницы, и моя душа словно парила над фонарями-звездочками лежащего в пропасти города, над освещенными луной горами...

И вдруг произошло то, чего я не ожидал, но что утром укрепило мою решимость отправиться в самостоятельное путешествие. Я увидел свое тело со стороны лежащим в просторной комнате неподалеку от двух моих спящих товарищей. Потом как-то сам собой отделился эфирный кокон, полностью сохранивший форму физического тела, и мое сознание полетело в нем.

Это был не сон. Пребывая в измененном состоянии, я легко летал по комнате, трогал деревянную многосекционную раму окна, стоящую в углу пальму, и уходил сквозь перекрытия к самым верхним этажам, но при этом почему-то не покидал гостиницы.

В какой-то момент я вдруг вспомнил о своем физическом теле и увидел, что оно по-прежнему лежит возле окна. И от этой внезапно возникшей устойчивой связи моя эфирная субстанция неудержимо потянулась к физической. Попытался сопротивляться чудному магнетизму – ничего не получилось. Пришлось воочию убедиться, как материальна мысль, какими чудоманитными свойствами она обладает и привязывает, когда сознание отождествлено с чем-то.

Войдя в реальность физического тела, я увидел по-прежнему лежащий подо мной спящий город, а по бокам непоколебимо стояли темные отроги гор. «Как прекрасно это ощущение полета, – подумал я, – вот бы еще полетать!» И снова прикрыв глаза, полностью откинул мысли, оказался в пустоте и оттуда постарался увидеть свое тело... И, о чудо, получилось! На этот раз потребовалось невероятное напряжение воли, чтобы отделить эфирную оболочку и чуть-чуть взлететь, пребывая в ней. Но этот полет был совсем незначительный. Привычка сознания отождествлять себя с материальной формой победила. Связь далеко не отпускала. Но ведь во второй раз я сделал совершенно осознанную попытку полета! «Значит, мое я на самом деле может существовать отдельно от моего физического тела! – закрутились восторженные мысли. – Это высшие силы дали знак для понимания того, что я все делаю правильно, и решение о поездке к истокам Ганги верное!»

Совсем успокоившись, я подумал, что теперь точно засну и высплюсь, но со мной произошло еще большее чудо: осознавая реальность окружающей меня комнатной обстановки, я вдруг стал отделяться от своего физического тела уже не в эфирном коконе, а как излучающее яркий белый свет маленькое объемное пятно. Оно не имело четких контуров, это не был овал или шар. Я пребывал в каком-то излучении, словно оно исходило всего из одного атома, и я весь находился внутри него...

А потом мое невидимое я стало подниматься куда-то очень стремительно вверх, проходя сквозь бесконечную серую пустоту. Никакого, даже тонкого тела не было, я был чистым, очень локальным пятном света, но продолжал мыслить, как обычный человек: «Вот это да! Оказывается, и так можно существовать! Очевидно, если сейчас полностью смириться, то в итоге попадешь в нирвана-кальпу или какое-то другое измерение». Уверенность в том, что должно случиться, была стопроцентная.

Это не было сном. Я снова оглядел себя, светящееся пятно моего я – ни следа даже видимого ранее эфира, никакой оболочки! Но почему так сильно стало давить на барабанные перепонки? По ощущениям, за несколько секунд я поднялся на высоту в несколько километров, а может быть десятков или сотен километров и, конечно, на такие перепады высоты реагирует мое тонкое невидимое мне тело. Значит, правильно пишут великие эзотерики, что тело человека имеет не одну, не две, не три и не пять, а большее число оболочек! Я чувствовал, если отдамся на Божью волю, то стану одним из немногих свидетелей запредельного. Неожиданно вспомнились слова Сумирана: «Нужно умереть полностью для своих чувств, мыслей, привязанностей, чтобы, соединившись с Богом, затем возродиться уже другим человеком». Но, умирая, есть шанс не вернуться. Он же, наш свами, рассказывал, что в Египте, где обучение выходу в нирвана-кальпу контролировалось жрецами, даже там на 200 человек один не возвращался.

Я вдруг вспомнил дорогих мне родных и понял, что пока не готов уйти. В этот же момент душа, впитавшая даже эту малую крупицу страха-сомнения, приостановила полет. На какое-то мгновение я, бесформенный и светящийся, завис в

пространстве, а потом с бешеной скоростью полетел вниз – остановить мое я, отождествившееся с чувственным телом, было уже невозможно! Аتما* мгновенно заняла свою физическую оболочку.

Еще пять минут я лежал на кровати, отходя от впечатлений, потом, стараясь не разбудить Стаса с Аркадием, стал потихоньку одеваться, даже не посмотрев на часы: почему-то была четкая уверенность, что водитель меня уже ждет на первом этаже гостиницы и что это прекрасный молодой человек, на которого я могу полностью положиться.

Первый день. Дорога к Гонготри

Было еще темно, когда наш маленький белый «Хендай» начал спуск по узкой дороге, идущей по другую сторону перевала, вглубь Гималаев. Водителя звали Батран, и я придумал, если забуду имя, звать его Братаном. Батран – братан, звучит созвучно, но мне понятнее второе. Этот молодой человек был приятен лицом, немногословный, услужливый, как большинство индусов, очень худой, и мне почему-то сразу показалось, что я с ним уже давным-давно знаком.

Вначале каждый поворот, открывавший перед глазами пропасть, противно щекотал в животе страхом. Я хватался за ручку двери, надеясь успеть выпрыгнуть, если вдруг машина начнет соскальзывать вниз. Но потом подумал, что нужно про все забыть: про страх смерти, про жизненные привязанности, иначе десятки километров дорог окажутся невыносимой мукой. Будь что будет, я еду туда, где должен быть полностью смиренным и надо положиться во всем на Бога, обратив взор к внутреннему свету.

Восход, разгораясь, постепенно проявлял и ретушировал сине-малиновыми красками цепочку снежных гор на горизонте. Это были знаменитые гималайские семитысячники, к которым мы держали путь. Рождение солнца было похоже на магическое таинство, оно беспрестанно притягивало взгляд, наполняло сердце духовной силой. Я то и дело щелкал затвором фотоаппарата, останавливая водителя в точках, где открывались великолепные виды. Постепенно данная себе установка не бояться и увлечение фотографией сделали свое дело – я забыл про высоту.

В одном месте на пяточке, где стоял маленький магазинчик, дорога раздваивалась: одна уходила вверх влево по открывшемуся в распадке отрогу, другая извивалась змеей вниз в том же направлении, по которому мы ехали. Батран, остановившись, поговорил о чем-то на хинди с продавцом, и мы устремились по левой дороге. На вопрос, о чем он разговаривал с человеком, водитель сказал:

– Эта дорога короче, и мы по ней быстрее доедем.

И, правда, вначале мы довольно быстро мчались по свежееуложенному асфальту, но километров через двадцать он закончился, и началось такое... Рассыпанный щебень сменялся жесткими колдобинами, навалами камней, а Батран, казалось, совсем не сбавлял скорости. «Машину не жалеет... – подумал я. – Значит, он наемный водитель, а машина не его...» Приходилось только удивляться, как при частых страшных ударах не отлетели маленькие колесики «Хендайчика». И вообще как эта современная «Антилопа-Гну» до сих пор не развалилась. Самое страшное было потерять время в случае поломки машины. И вообще, как отсюда выбираться, если что, ведь наши мобильники давным-давно не улавливали сигналов связи? Но почему-то во мне была четкая уверенность, что все сложится хорошо. И, видимо, кто-то свыше нам помогал, так как дорога чуть ли не за каждым поворотом серпантина ставила сложную задачу.

Ну как тут не поверить в нашего невидимого проводника, когда за поворотом вдруг открывается стоящий поперек дороги гусеничный эскаватор, но нам почти не приходится ждать: остатки каменной осыпи мгновенно расчищают и эскаватор уступает дорогу!

В другом месте останавливаемся перед стоящим посередине дороги трактором, чем-то напоминающим «Беларусь». Он стоит на трех колесах, четвертое снято. С колесом ковыряются два чумазных горца. Присматриваюсь – ступица колеса сломана. Приплыли... этот ремонт затянется надолго, если он вообще возможен в дорожных условиях. Говорю аборигенам:

– Пропустите нас, пожалуйста. Давайте оттолкнем его общими усилиями руками к скале.

Они заторможенно качают головами, разводят руками, объясняют, что тяжелый трактор сдвинуть невозможно, но потом один индус лезет в кабину, заводит тарахтелку и трогается с места. Едва-едва крутятся колеса, переднее так перекошило, что, кажется, трактор вот-вот клонет носом в землю и остановится окончательно. Господи, хоть бы он протянул эти три-четыре метра! Протянул.

В третьем месте самим приходится вручную разбирать навал глыб на дороге, чтобы только-только протиснуть сквозь них нашу похожую на «Таврию» малютку. И так почти всю дорогу: то одно, то другое. Особенно трудно было проходить перевал, где на дороге были сплошные булыжники. Водитель остановившегося встречного джипа скептически окинул с высоты своего сидения нашу кроху и выразил сомнение, что мы проедем дальше.

Но нам чудом удастся взять каменистый тягун вверх. Взять то взяли, а как спуститься по крутому участку торчащих булыжников? Дорога здесь сваливается под углом градусов в 30, не меньше. Пришлось выходить из машины и делать из плоских камней выступающую колею. А дальше Батран показал свое водительское мастерство и хладнокровие, сумев-таки по ней проехать, не свалившись с обрыва!

Фу-у! Передохнуть надо! Снова прошу водителя остановить транспорт для съемок красивой долины с быстрой речушкой на дне. Спускаемся ниже по серпантину, и я фотографирую сгорбившегося над плугом крестьянина. В упряжке два вола, мощно переступающие по пашне.

Впереди показалась горная деревенька. Подъезжая к ней, видим на дороге убегающую от нас серую лисицу, линялая шерсть на ней торчит клочьями. Вдруг из крайнего сарайчика выходит крестьянин с мотыгой на плече, и лиса бросается от него в сторону машины, а потом в узкий распадок и исчезает. Ах, хитрая бестия, ищет поживу вблизи жилья!

Горные селения встречаются редко. И особенно запоминаются в них детишки, бредущие куда-то гурьбой или столпившиеся у скалы и любопытно разглядывающие белого человека, медленно проезжающего в машине. Если я выхожу фотографировать их, они приветливы, но по большей части молчаливы и уж совсем не назойливы, как дети юга Индии.

А я все пребываю в размышлениях, успею ли вернуться за три дня в Массури? До Гонготри, как выяснил у Батрана, 275 км (а я-то думал, что всего 150 км – так меня уверяли, когда заходил в такси-офис; это Индия, здесь всегда нужно учитывать возможные поправки). В раздумьях вижу на скале, на окраине очередной деревеньки мальчика. Он весь такой чистенький, одет в костюмчик, белая рубашка, а выражения лица не передать! С едва заметной искренней улыбкой на губах он провожает мои глаза своими. Они светятся восхищением, смирением и любовью одновременно. От него исходит сильная энергия. Вспоминая потом этого мальчика, я почему-то видел вокруг него ореол искрящегося света. Такое ощущение, что перед тобой маленький Будда. Его вибрации коснулись моего сердца, и сразу пришло спокойствие, уверенность в успехе, словно он мне знак дал какой-то. А впереди неизвестно сколько еще поворотов над пропастью: сотни, тысячи?

В низинном городке Дхарасу мчимся вдоль водохранилища. Не сразу сообразил, что это уже Ганга, только запруженная... Ну, здравствуй, Великая река! Дальше дорога вьется вверх по ущелью: водопады и стремительно стекающие с гор притоки встречаются часто. На берегах Ганги то там, то тут стоят маленькие поселки, ашрамы, одни из них роскошны, другие убоги.

Ганга то спокойная в широких, почти равнинных долинах, то бурная когда втискивается между скал. Иногда на поворотах открываются красивые виды величавых снежных вершин. Они уже совсем близко, но я знаю, что видимость эта обманчивая.

Выше Утгаркаши остановились попить чаю в примитивном придорожном кафе с брезентовым пологом. На удачу здесь оказались двое из Украины, парень и девушка. От них узнаю, что Гонготри с первого ноября для паломников закрыт, что двое их земляков вчера пытались прорваться к источнику, но их не пустила полиция. Парень подводит итог сказанному:

– Не знаю, попробуйте, может, вы прорветесь.

Он раскладывает карту-схему, довольно бестолково сделанную, зато цветную и с картинками. Право, индусы, они как дети даже в серьезных делах полиграфии! Но у меня и такой нет. Еду, что называется туда, не знаю куда. Теперь хоть имею представление об истоках Ганги, текущих в своих извилистых долинах. Считается, что за свою жизнь любой верующий индеец обязан посетить все четыре истока и еще долину цветов, расположенную пятой замыкающей точкой в ряду святых мест под снежными вершинами. В раздумьях разглядываю развернутое передо

мною художественное изображение горной местности, потом предлагаю украинцу: «Друг, а может продашь карту?» Тот долго размышляет и уступает ее мне за пятьдесят рупий. «У меня еще одна есть», – добавляет он.

– А на Яномотри пускают? – спрашиваю.

– Нет, на Яномотри тоже не пускают.

– А сколько еще до Гонготри?

– Километров пятьдесят.

– Что? – я даже присвистнул. – Едем уже семь часов и еще пятьдесят километров? Ладно, все равно рискнем, – говорю я и зову водителя к машине.

Под конец пути время становится растянутым, длиною в вечность. По километровым столбам считаю, сколько осталось до Гонготри – 10 км, 9 км, 8 км... Господи, когда уже приедем! Словно в другое измерение попали... Пытаюсь медитировать, полностью убирая образы и мысли – и время идет быстрее.

И вот указатель: «Национальный заповедник Гонготри». На склоне кедровый лес. Сквозь деревья видны разреженные домишки. Въезжаем на вытянутую площадку вдоль ряда низких гостиниц. Все они под замком, людей нигде нет. Впереди красно-золотистая индуистская арка. Подъезжаем к ней. Тут же к нам подходят трое в обычной гражданской одежде (украинцы предупреждали, что полиция на Гонготри какая-то странная – форму не носит). Один с пузиком деловой, много говорит и жестикулирует с напарниками. Как бы между делом, нам поясняют, что нужно отсюда уезжать.

– Я русский журналист, – отвечаю, и хотел бы пройти к источнику.

– А разрешение есть?

– Разрешения нет.

– Тогда нельзя.

Кое-как удалось уговорить старшего оставить машину на площадке и пройти к храму. За аркой в траншее люди в грязной одежде что-то копают. Дальше по бокам узкой улочки тянутся закрытые гостиницы и гестхаусы. Непривычное зрелище, когда поселок без людей. Городок вымер. Мы проходим дальше по реке, оставляя позади храм и пустой строящийся ашрам. Тропой между желтеющих кустарников стараемся подняться как можно выше, надеясь, что за нами следить не будут. Встречаем на тропе прогуливающегося пожилого свами, он во всем оранжевом. Взгляд его необычен, в глубине глаз открывается космос... Я кланяюсь ему, он, чуть улыбнувшись, поднятием руки приветствует меня. Потом вижу другого в оранжевом. Он молод и глаза его очень живые. Отшельник широко улыбается и быстро проходит мимо меня по тропе – только пятки босых ног мелькают. Куда он торопится? Он же монах или свами...

«Ладно, думаю, не будем святым людям мешать, надо убираться». Спустившись к Ганге, остаюсь с ней наедине, стараюсь убрать все мысли и слиться с ее вибрациями сердцем. Чувствую проникающую в меня энергию, ощущаю ее густую субстанцию физически. Что это? Направленная на человека из недр гор сила? Или самовнушение? Или река, правда, как сказано в санскритских текстах, течет не с гор, а с неба ...

Ну, пора идти. Наливаю в пластиковую бутылку воду, которую повезу в Москву, и зову стоящего на тропе водителя в обратный путь.

Возвращаясь к машине, мы заходим в храм. Он закрыт. Тот свами, который торопился, сложив руки, сидит в медитативной позе на ступеньках, позади которых скульптуры индуистских божеств. Лицо его обращено к храму. «Куда он торопился? – спрашиваю себя. – К Богу? Но разве в вечности существует время? Оно выдуманно человеческим умом». Когда в голове появляется прошлое, будущее и настоящее – оно имеет образы, форму, время. Когда ум убивается, время исчезает, так мне представляется... Однако я тут же задумываюсь, есть ли время у высшего сознания? Ведь оно периодами разворачивает и сворачивает вселенные, создает миры и их

обитателей. Длительность этих периодов исчисляется югами, что равно десяткам тысячелетий. Но людской ум все привязывает. У высшего же сознания привязанности нет.

Когда возвращаемся к машине, к Батрану как репей прицепляется молодой человек в зеленом свитере. Он уводит его в каморку. Я не сразу понимаю, что это полицейский. Он долго муржжит Батрана. Водитель возвращается расстроенный. Садится за руль, и мы едем.

– Что случилось? – спрашиваю.

– Оштрафовали на две тысячи рупий...

– Что!? – возмущаюсь я. – Зачем ты отдал деньги? Нужно было позвать меня. Мы же договорились с начальником, что пройдем к храму!

Батран молчит подавленно, вздыхает. Я не знаю, что делать. Может он считает, что я запросто дам ему эти две тысячи в придачу к шести, которые обещаны за трехдневную поездку? Я чувствую, что сильные энергии гор

создают для меня испытания... Но знаю точно (это пришло откуда-то изнутри), что в святых местах волноваться и создавать себе проблемы нельзя. Еще раз даю себе установку, что нужно больше пребывать в состоянии не ума, как бы во сне, только тогда поездка сложится без всяких проблем. Вспомнились слова Сумирана – на сатсанге он говорил именно об этом: «Ум с самого вашего детства сильно отождествил себя с вашим телом. Ребенку с рождения внушают: ты Вася, ты Вася, а на самом деле он не Вася, а нечто другое. Сон есть та же жизнь в другом измерении, где вы больше выступаете в роли наблюдателя, даже когда с вами происходят там какие-то события». Помня слова учителя, я снова выделяю в себе наблюдателя и без предвзятости слежу за своим телом, его мыслями как бы со стороны, не принимая их близко к сердцу. Потом вообще отключаю ум и долго занимаюсь пранаямой, чтобы встреча с местами силы не прошла даром.

Солнце скрывается за пиками, на горы ложатся темно-синие тени, в ущелье становится темно. Батран включает фары.

– Надо подыскивать ночлег, – говорю.

Проезжаем один крошечный поселок, другой – нигде ни гостиницы, ни гестхауса. Может быть летом какая-нибудь хибара и работала как ночлежка паломников, но сейчас не сезон. Дорога спускается вниз к Ганге, потом, огибая лесистый отрог, вновь вьется в гору. Хочется сильно есть и пить одновременно – во рту с утра, кроме двух маленьких, очень острых самос, ни маковой росинки. Вижу очередной водопадик и торможу Батрана, жадно припадаю губами к живительной струе. О-о-о! Какой кайф пить прямо из источника! Водитель у меня выносливый, как раб. Ни есть, ни пить не просит, хотя я ему не раз с утра предлагал остановиться перекусить.

Когда дорога в очередной раз приблизилась к Ганге, на ее берегу вижу закрытые торговые ряды, а по другую сторону дороги ряды взбирающихся по склону домов и долгожданную надпись «HOTEL». «HOTEL» – сильно сказано, но я, выйдя из машины, сразу начинаю взбираться по узкой каменной лестнице между убогих строений.

Вот и низенький вход, затем гостевой холл, он же – обшарпанная, с прокопченной утварью кафешка. Узкоглазый тибетец за стойкой, дымя коричневой сигаретой, отсчитывал деньги покупателю каких-то сомнительных пакетиков. Он приветливо улыбнулся мне. Я спросил цену за номер.

– One hundred.

– Покажите комнату.

Тибетец, еще больше щуя глаза и продолжая улыбаться, ведет меня через открытую веранду. Открыл номер. Оглядываю двуспальную кровать, убранную цветным постельным бельем не первой свежести, деревянные многосекционные рамы, занимающие фронтальную и торцевую стены, туалет с умывальником, унитазом и двумя кранами на уровне пупка вместо душа. Горячей воды, конечно, нет. Тут же стоит кувшин для подмыва – индиан сайс. Все знакомо, не раз приходилось ночевать в дешевых индийских гостиницах.

Спать будет холодновато – сквозь приличные щели гуляет ветер. Отодвигаю штору – подомной совсем рядом шумит Ганга. Напротив окна вверху на светлом лунном небе черный излом гор. В сердце вдруг что-то затронулось, словно я уловил исходящие от мерцания звезд тонкие божественные звуки и слился с изначальным... Какая тишина... Только слышится мерный рокот пока еще маленькой Великой реки, будто она говорит мне что-то, говорит, старается, чтобы я ее понял...

Сомнений больше нет, остаюсь. Грязный отель-хибара сразу показался таким уютным. Водителю снял номер этажом выше, хотя предварительный договор был, что он будет спать в машине. В гостинице кроме нас двоих – никого. Заказываю у хозяина яичницу с томатами, чай с молоком по-тибетски и в тишине безмятежного одиночества вкушаю за столиком на веранде вкусную еду. Чистейший воздух пьянит. Appetit волчий! Но переедать не хочу, нужно сразу ложиться спать. Завтра водитель разбудит меня в пять тридцать, и снова будут нескончаемые километры дорог над головокружительными пропастями.

И все-таки хорошо, что я отчаялся на эту авантюру! Я лежу, предварительно укрывшись своим спальником, а потом толстым и очень широким тибетским одеялом. Мне так тепло и уютно, как никогда, хотя в номере довольно холодно. И меня убаюкивает сама Ганга...

Не знаю, сон ли это был или явь, только я опять, одновременно наблюдая за собой спящим как бы со стороны, вдруг стал подниматься куда-то вверх и оказался в огромном помещении – что-то вроде буддийского храма. В самом его центре под бесконечно высоким потолком раздельно друг над другом висели в воздухе широченные невесомые формы. Они напоминали плоские дирижабли, а еще больше летающие надувные матрацы огромной величины. Я летал в астральном теле вокруг них, пытался понять, что это такое, и не мог. Внутри этих форм что-то происходило, двигалось, таинственно звучало, и несмотря на то, что оболочка их казалась такой нежной, полупрозрачной, я через нее проникнуть не мог, как ни надавливал.

Так продолжалось до самого утра. Находясь в измененном состоянии сознания, я очень чутко чувствовал время и контролировал свое физическое тело, чтобы вовремя выйти из транса. Было еще только четыре тридцать. На часы, лежащие на тумбочке, не смотрел, но как бы видел всю обстановку комнаты и начинающий светлеть небосклон над горами. Река по-прежнему убаюкивающе шумела внизу, а я находился одновременно и в номере, и возле этих форм, мир которых почему-то не пускал меня к себе. Вдруг сверху, откуда-то из запредельности, раздался голос. Слова звучали выразительно, в речи слышались одновременно и любовь, и непривязанность, как будто учитель беседовал со своим учеником:

– Все переходящее определяется буддистами как сфегри. Они, то появляются, то исчезают, ибо все, что отождествляется сознанием, переходящее.

«Так это сфегри, воплощенные мыслеформы множества людей или других существ, по нашему эгрегоры! Вот, оказывается, как выглядят они!» – осенило меня в тот момент, когда я старался запомнить слова, чтобы их потом записать. Голос еще давал пояснения, но когда я ощутил время необходимости перехода в обычную реальность и присел на кровати, то сумел записать только то, что сумел. Больше ничего не помнил. Возвращение в человеческое бытие прервало ту осознанность, стерев информацию.

«В то же время человек – это тоже сфегри, ведь он – плод своих прошлых мыслей», – думал я уже в машине, кутаясь в теплую куртку и наблюдая, как за горами восходящее солнце начинает рисовать красками по небу. Времени для созерцаний и раздумий было еще много. По моим подсчетам, это ущелье закончится часа через два пути. Потом мы выедем на развилку дорог, когда нужно будет решать, возвращаться к группе в Массури или рискнуть посетить еще один источник Ганги, расположенный в конце другого бесконечно длинного ущелья.

Происходящие со мной чудеса придали уверенность, что мне по плечу любые задачи. В конце концов решил убедить Батрана направиться к Яномотри, ведь машина арендована мной на три дня. Правда, километраж оговорен до Гонготри и обратно, но я могу оплатить Батрану бензин.

Снова по пути встречаются водопадики, из которых можно умыться и попить кристально чистой воды. То там, то здесь пастухи гонят огромные стада овец, коз или коров, которым нужно долго сигналить, чтобы они освободили дорогу и при этом не упали в бездну.

В горах хочется находиться в безмыслии, чтобы сильные энергии поработали с твоим телом, расчищая засоры в энергетических каналах. Но ум так устроен, что он всегда требует пищи в виде образов, и в голову лезет всякое, иногда такая гадость... По своему опыту медитаций прихожу к выводу, что у стремящегося идти по духовному пути всегда идет соревнование ума с Божественным (безмыслием, полной сдачей в руки Бога). Это можно изобразить в виде двух параллельно восходящих синусоид. Каждое направление вверх первой синусоиды – это достижение Божественного на определенном этапе развития. Но ум тут же подтягивается по второй синусоиде и в пиковой точке за счет набранной силы (магнетизма) отклоняет вниз синусоиду Божественного. Так может продолжаться до бесконечности, ведь недаром говорят учителя, что когда ты на начальном пути развития, ты имеешь дело с помощниками дьявола, а когда продвинулся – с самим дьяволом. И вот парадокс – когда полностью отказываешься от всего, достигается Божественное. Но для этого, как говорят некоторые свами, нужно умереть при жизни...

Ущелье все больше расширяется. Отсюда виды кажутся совсем другими, нежели когда ехали вверх по дороге. Многих ашрамов я тогда вообще не заметил. Например, я не заметил на берегу Ганги высоченную скульптуру Шивы. А сейчас она видна за несколько километров. Какой же она высоты, если окружающие ее дома поселка по сравнению с ней кажутся крошечными-крошечными?

Спускаемся на несколько километров ниже, и бронза на Шиве проявляется отчетливее. Я выхожу из машины и фотографирую грандиозное сооружение. В поселке я посещаю потрясающей красоты ашрам с красочными скульптурами четырех главных индуистских божеств при входе. Спускаюсь по ступенькам к Ганге, чтобы полюбоваться вблизи двадцатиметровым Шивой, который теперь весь вместе со своим гигантским трезубцем ослепительно сияет в лучах яркого солнца. Людей нет, наверное, на занятиях. Встречаю ашрамита. Он объясняет, что это ашрам Пайлот Бабы, известного индийского учителя, обладающего многими сидхами. Я высказываю ему свое восхищение от увиденного. Ашрамит приглашает пожить в ашраме бесплатно и добавляет, что в настоящее время здесь гостит двадцать русских. Но у меня нет времени.

Второй день. Дорога к Яномотри

Не доезжая Уттаркаши, останавливаемся. Долго торгуемся с Батраном о денежной надбавке за поездку по новому маршруту. Наконец принято решение снова поворачивать на север. До Яномотри 100 км и новые пропасти. Ну что ж, есть время поработать со страхом высоты, с другими страхами, помедитировать, растворившись в безмыслии, позаниматься пранаямой. Не хочется от чего-то зависеть, хочется научиться управлять инстинктами и научиться неприязнкости.

Пока поток Яномотри под нами довольно мощный. Он соединяется с Ганготри в районе Харидвара. Но по мере подъема по ущелью поток будет уменьшаться и где-то там, под вновь открывшимися перед нами снежными вершинами превратится в маленький ручеек. На скалах по обе стороны дороги растет великолепный кедровый лес. Аромат хвои и чистота горного воздуха во время автомобильной остановки воспринимается как нечто запредельное, придает состоянию необычное ощущение.

Проезжаем скрытую в лесу воинскую часть. В ряд стоит укрытая брезентом автотехника и часовые на вышках. Местами по обрывам растет пожелтевший лиственный подлесок и особенно красиво бывает на поворотах, там, где долина просматривается на большом протяжении – тогда сочетание бурлящих порогов, красок осени и зелени хвойного леса напоминает Алтай, Кавказ, словом, Россию. Да... с умом трудно совладать, куда ни кинь взгляд – наружу или внутрь себя – всюду возникают ассоциации...

Ближе к вечеру, наконец, добираемся до поселка, который обозначен на карте, как Yamnotri. От него паломническая тропа идет к самому верхнему храму, стоящему в начале истока Яномотри. Поселок вытянулся по ущелью, во всяком случае, есть где спрятать машину. Батран загоняет ее в самую тесную улочку рядом с подвесным мостом через реку. Стоящий на мосту парнишка показывает мне направление, где находятся храмы. Оказывается, самый старый, которому, по его словам, уже две тысячи лет, расположен совсем рядом, на другом берегу реки. Я направляюсь туда по мосту, по пути встречаю четырех итальянцев, которые предупреждают меня, что вверх по паломнической тропе ходить запрещено, все закрыто с первого ноября. На вопрос почему не пускают, они отвечают, что у индусов какой-то договор с китайцами – рядом граница. Позже от одной девушки из группы Сумирана узнаю, что после первого ноября в горах появляются особо сильные энергии - возможно с этим как-то связано. Во всяком случае, она об этом прочитала в индийской газете. «Ну и пусть, – думаю, – это для вас закрыто, а мне необходимо подняться хотя бы до одного истока Ганги, иначе ради чего все это было затеяно?...»

Поднявшись тропой вверх по обрывистому берегу, иду грязными улочками деревеньки. Везде закрытые на замок постройки – видимо, летом, в период паломничества миллионов индусов местные делают здесь на ночлеге хороший бизнес. Улочки настолько тесны, что приходится заходить в чей-то двор, чтобы пропустить крестьянина, везущего запряженную ослом телегу с сеном. Встреченные пацаны указывают дорогу к храму, провожая меня удивленным взглядом и открытыми ртами. Прохожу мимо женщины, которая, сидя на пороге дома, кормит младенца грудью. В другом дворе вижу девочку лет четырнадцати с красивыми тибетскими чертами лица. Ее стройный стан обтягивает чистая ярко-синяя кофточка. Она энергично орудует вилами, вороша сено и вытирая со лба пот. Я не могу не засмотреться на нее и на ее труд. И снова ум ищет пищу для рассуждений, и непроизвольно складываются в голове мысли-образы: «Ей бы в городе жить, она бы могла осчастливить любого! Но, возможно, ей суждено оставаться в этом поселке под снежными горами всю жизнь...»

Вот и маленький храмик. Неужели он стоит на краю этого плато целых два тысячелетия? Рядом с храмом школьники играют в крокет.

Время бежит. Взойдя к алтарю и поклонившись Богине, торопливо возвращаюсь к машине. Батрана нет. Впрочем, я ему сказал, что потом сразу пойду ко второму храму, расположенному в конце пятикилометровой паломнической тропы. Иду берегом реки мимо домиков, маленьких ашрамов и вижу еще один небольшой храм. Сидящему напротив храма в медитации шуплону старику-тибетцу даю несколько рупий. Он благодарно улыбается, а я иду дальше, нужно успеть вернуться до темноты. За храмом огороженные древней каменной кладкой загоны, то ли для животных, то ли для тех, кто устанавливает себе здесь летние лагеря. Дальше тропа идет через колючий терновник и выходит на берег реки, которая метров через сто прижмется к скале. А там, над рекой, по скале вьется серпантин. Вон оно что - оказывается, мне нужно было идти главной улицей поселка, а я пошел вдоль реки. Ну, да это и к лучшему, наверняка вон там, в начале серпантина, где стоят окраинные дома поселка, находится полицейский блокпост. Если я пойду по этому берегу и вскарабкаюсь по обрыву на дорогу, они меня наверняка увидят и завернут обратно. Нужно перейти реку вброд и прикрыться лесом на той стороне.

Прыгаю с камня на камень, стараясь не замочить ноги. Потом продираюсь заросшей тропой через колючие цепляющиеся ветви. Когда кончится эта пытка, ведь тут и змеи могут быть! Тропа выводит к берегу за поворотом реки. Здесь, прикрываясь скалой, снова прыгаю через бурлящий поток по камням и, вскарабкавшись вверх по обрыву, выхожу на широкую ухоженную паломническую тропу. Какая благодать – по бокам тропы даже скамейки встречаются! Можно посидеть, полюбоваться в одиночестве видом на ущелье и на снежные вершины.

Но тут навстречу мне спускаются двое молодых индусов. Один понуро ведет под уздцы осла, другой, напротив, шустро прыгает впереди по ступенькам. Поравнявшись, шустрый приветствует меня:

– Хай! – и тут же спрашивает: – Гид нужен?

– Нет, – отвечаю.

Снова вопрос:

– А разрешение есть?

– Есть, – вру, сообразив, что они будут проходить мимо поста и наверняка расскажут обо мне полицейским.

Предлагающий себя гидом прилипчив, он что-то выкрикивает на хинди, продолжая спускаться, и несколько раз вставляет английские слова: «Гид и разрешение». «Да, хороший же ты гид, если знаешь по-английски пяток слов, не больше, – размышляю, – но придется тебя брать с собой,

иначе, действительно, выдашь».

– Иди сюда! – машу ему рукой.

Скрывшийся было гид, выныривает из-за поворота, улыбаясь, идет ко мне.

– Сколько ты хочешь за услугу? – спрашиваю, потерев большим пальцем об указательный, чтобы было понятно.

– Тридцать.

Немного просит, впрочем, мне говорили, что даже те шерпы, которые несут огромные рюкзаки альпинистов, за день зарабатывают не больше 5-10 долларов, но это восхождение, а здесь легкая прогулка.

– Мы с тобой договариваемся на тридцать рупий, – еще раз спрашиваю, чтобы не было недомолвок, и показываю пальцем 3 и 0.

Знаю я этих индийцев, при расчетах без споров никогда не обходится.

Паренек кивает.

Мы идем по широкой забетонированной тропе вверх, гид быстро и широко шагает по ступенькам на подъемах, я едва за ним поспеваю. Он все время что-то говорит, мешая индийские слова с английскими, понять ничего невозможно. Как ему объяснить, чтобы он замол-

чал! Проходим запустелые шатры и пещеры, в которых остались следы костровищ и рогожки-сидушки йогов.

– Это ашрам такого-то Бабы, – поясняет гид, хозяйничая в помещении шатра.

Он убирает в мешок взятую с полки тыкву, кочан капусты и несколько картофелин – до весеннего тепла здесь никого не будет, – затем ставит мешок в угол, наверное, заберет на обратном пути.

Я фотографирую его возле очага на циновке, и мы идем дальше. По пути встречается указатель: «Яномотри – 3,5 км». Легко прошли 1,5 км, но надо торопиться, чтобы засветло вернуться к машине; нужно еще будет искать ночлег, а в нижнем поселке, по словам встреченных итальянцев, гостиницы все закрыты. Тропа взбирается вдоль скал все выше и выше. Под нами глубочайшая пропасть, внизу тонкой пенящейся змейкой бежит Яномотри. Наверху холодный ветер, но я снимаю куртку – жарко! Сердце колотится, по спине струится пот, но нужно поторапливаться за гидом.

Ну вот и последний указатель: «Яномотри – 0,5 км». Уже показался в отдалении нарядный оранжево-бордовый храм у входа в узкое ущелье, а перед ним подвесной мост. Когда подходим ближе, видим везде рабочих, одни бетонируют берега возле храма, другие – реконструируют мост и стены храма. Осторожно по строительным доскам перебираемся на другую сторону реки и поднимаемся к храму. Рядом пристроен ашрам, из которого ко мне выходит человек в оранжевой одежде. Я даю ему 10 рупий. По ступенькам вверх к ашраму поднимается старик, и ему я сую деньги. Старик их растеряно берет. Такое ощущение, что его глаза говорят: «Зачем ты мне это даешь?» В его взгляде полное отсутствие связей с мирским, и меня он, наверное, воспринимает только как сгусток энергии.

Гид мой где-то затерялся в многочисленных постройках. Решаю забрать его на обратном пути, а сам направляюсь в узкое ущелье, чтобы еще выше подняться по реке. Но удастся пройти по валунам и крупным глыбам не более 300 м. Дальше смысла идти нет – Яномотри берет начало из высочайших ледников, куда можно подняться только в альпинистском снаряжении.

Времени уже шестнадцать тридцать. Нужно быстро возвращаться. По горам в темноте ехать рискованно. Прохожу по берегу мимо храма – моего гида нигде не видно. Ну да что, искать его мне, что ли? Догонит, парень шустрый, рабочие подскажут, что я ушел, дорога одна.

Он догнал меня, когда я уже прошел в обратную сторону с полкилометра. Остановился, кричит издали, что Гуру приглашает меня на чай в ашрам. Я отказываюсь, зову гида к себе. Когда он подходит, поясняю, что времени нет и мне пора возвращаться к машине. Гид очень любопытный и потом в течение всего спуска спрашивает, что за машина, чья, что за водитель, где я буду ночевать и еще массу других вопросов. Причем, когда отвечаешь, он потом задает те же самые вопросы по новому кругу, и нужно иметь терпение, чтобы без конца талдычить одно и то же, пытаясь при этом оставаться в спокойствии ума.

Энергии здесь очень сильные, и я стараюсь изо всех сил находиться в смирении, чтобы не раздражаться, а меня в лице этого назойливого паренька будто кто-то проверяет. Он все время что-то говорит и говорит. Но я уже, кажется, научился не обращать на него внимания. Проходим мимо маленького храма Богине Парвати. Я в знак благодарности божественным силам хочу оставить несколько рупий. Но не знаю, куда их положить. Паренек тут же встречается, говорит, что пять рупий – это очень мало, что нужно оставить пятьдесят. Я с ним соглашаюсь, но у меня из относительно мелких только сто рупий одной бумажкой. Он говорит, чтобы я дал ему их. Пятьдесят рупий он принесет завтра сюда, а остальные возьмет себе за работу. Я соглашаюсь, и мы спускаемся дальше.

Пройдя еще километр вниз, мой гид спрашивает, сколько я ему дам денег за работу.

– Я уже дал тебе, – отвечаю.

– Этого мало, – говорит он, улыбаясь и извиваясь змеей, как Паниковский.

– У меня больше нет мелких денег, – поясняю.

– Я тебе внизу разменяю.

– Остальные деньги мне нужны, чтобы расплатиться с водителем.

Он успокаивается и идет дальше, но еще через километр снова начинает разговор о своем гонораре. Ну что с ним поделаешь!

– У тебя сто рупий, делай с ними что хочешь! – не выдерживаю.

В самом низу паломнической тропы он сворачивает во дворик каких-то низких покрытых соломой белокаменных строений. Я иду дальше, но почему-то оглядываюсь и встречаюсь глазами с полным бородатым молодым человеком. Обернутый белой туникой, он лежит на войлочной подстилке, брошенной на короткую травку дворика в позе отдыхающего римского патриция. Взгляд его и глубок, и властен. Легким жестом руки он подзывает меня к себе. Рядом с ним крутится мой гид. Другой йогин, так же завернутый в белое (одежда напоминает обыкновенную простыню), поодаль рубит тяжелым топором дерево. Он совсем молод, и судя по благоговению перед возлежащим, это его ученик.

Я подхожу к гуру, здороваюсь, он приглашает меня присесть рядом с ним. Говорю, что у меня очень мало времени, но йогин властным жестом усаживает меня рядом с собой.

– Очень хочется пить, – показываю на рот.

Гуру дает указание ученику. Мгновенно передо мной появляется стакан с водой и миска с солеными орешками и соломкой. Напившись, я пробую утолить вдруг прорезавшийся голод, но много съесть этого невозможно.

– Вы здесь живете только летом? – спрашиваю.

– Нет, круглый год.

Кошусь на его легкую одежду:

– И не холодно?

– Тепло — вот здесь, – йогин тычет пальцем в свою голову.

– А что вы тут едите?

– Вот это и едим, – кивает на миску в моих руках.

– Только это?

– Только это.

У него хорошее произношение английского, возможно, он когда-то получил прекрасное образование. Я читал, что многие великие йогины заканчивали престижные европейские вузы.

– Мне надо идти.

Полулежащий йогин снисходительно смотрит на меня, останавливая жестом. Я читаю в его глазах мысль: «Все суeta». Но йогин вдруг сам проявляет интерес к мирскому и, тыча толстым пальцем в мой фотоаппарат, просит его посмотреть. Он со знанием дела включает смотровое окошко с обратной стороны камеры и начинает прокручивать кадры, требуя к ним пояснений. Увидев групповое фото, он спрашивает, кто эти парни, кто эти девушки. И мне приходится долго и подробно рассказывать о большой группе россиян, путешествующих по святым местам в предгорьях Гималаев. Я отснял около четырехсот кадров, и если он их все будет просматривать, мне придется остаться здесь до утра.

Вежливо забираю у йогина фотоаппарат и тороплюсь уйти. Мой гид догоняет меня только минут через пять, когда в отдалении уже виднеется полицейский блокпост. Я, было, уже хотел снова спуститься к реке на тайную обходную тропу, но с появлением гида почему-то передумал, из ложного стыда, что ли? Нет, просто решил, что в обратную сторону полицейские меня пропустят. Да и гид мой слишком уверенно топал рядом.

Однако вышедшие из деревянного сарайчика трое полицейских прицепились ко мне не на шутку. Спросили кто такой, откуда и где мое разрешение на проход к Яномотри. Они мурыжили меня долго, и что бы я им ни говорил, не отпускали. Мой сопровождающий стоял рядом, не умея или не желая меня защитить. Он пару раз посмеялся с полицейскими, а потом замолчал. И тогда я решил использовать проверенный прием: запустить мыслеформу. Четко пред-

ставил себя беспрепятственно уходящим, и одновременно вообразил полицейских, не двигающихся с места. И эти созданные образы полностью отпустил, с четкой уверенностью, что все так и будет. Затем, приведя себя в состояние полного смирения-безмыслия, сказал самому приставучему и, очевидно, старшему из троих полицейских, что я йогин, и тут же как бы растворился для них.

– Ну ладно, мне пора идти, – наконец взмахнул я рукой, повернулся и пошел, и они меня действительно не остановили.

Мой гид догнал меня уже в поселке, объявил, что я ему должен пятьсот рупий за то, что он меня отмазал от полицейских. Я только удивился его наглости, ведь он в мою защиту не проронил ни слова. Пришлось сказать ему об этом. Впрочем, он потом как бы успокоился и стал помогать мне отыскивать водителя с машиной, а ее в тесном переулке у моста не оказалось.

Наша малютка с открытым капотом стояла на площади. Возле колдующего над двигателем Батрана крутились двое.

– Только бы опять не полицейские! – подумал я.

Но опасения развеял один из индусов. Он сразу стал меня приглашать к себе в гости и что-то говорить о своем отце, едва умея произносить коекакие английские слова. Второй кивал головой и поддакивал.

Батран поднял голову, вытер тряпкой руки и закрыл капот.

– Все в порядке?

– Да.

– Поехали! Еще надо найти отель, здесь все закрыто.

Индусы приглашали заночевать у них дома, и гид стал активнее липнуть со своим выдуманным гонимым, вперемежку добавляя, что и у него есть жилье. Обстановка накалялась...

– Поехали, – снова скомандовал я, но Батран медлил, видимо, индусы предварительно здорово накачали его голову всякой ерундой.

Потом он все же нехотя полез в машину, но не трогался, потому что в приоткрытые окна просунулись головы зазывал, продолжая непонятную трескотню. Паренек-гид стал требовать деньги на повышенных тонах, понимая, что я сейчас могу уехать.

– Да дал же я тебе сто рупий! Поехали!

Паренек швырнул мне сторушиевую бумажку, просунув руку между торчащих у окна голов. Машина не трогалась.

Тогда я попытался объяснить другим индусам ситуацию, что считаю, этих денег достаточно и на пожертвования, и на оплату услуг гида. Индусы понимающе кивали головами. Я протянул деньги назад gidу. Тот демонстративно молча швырнул их снова в салон. Чуждые святому месту энергии ощутимо пробежали по моему телу. Также молча, я снова протянул деньги в окно. Гид опять бросил их мне. И вдруг все во мне закипело. Неожиданно я ощутил себя сосудом, в котором вскипающий эликсир переливается через край. Я отрывисто сказал, что больше не могу дать, и если он не возьмет, мы уезжаем.

Двое стали похлопывать парнишку по плечу, видимо, уговаривая взять. И тот, как бы нехотя, взял.

Мы уехали.

Я не понимал, как это со мной могло произойти: не выдержал испытания, сорвался, вдобавок ко всему меня стали мучить сомнения, правильно ли поступил, а можно ли было не гнать волну, да разменять где-нибудь пятачок, чтобы добавить навязчивому gidу. Но где менять? И вообще, почему я должен куда-то идти, тратить кучу времени, ведь договор был на 30 рупий... Здесь хотелось бы сказать, что ни моторикшам, ни водителям, ни гидам лучше не давать крупных денег, надеясь получить сдачу. Очень часто делается вид, что белый тут же о деньгах забудет.

Только в местах силы на мгновение выпущенная мысль способна так быстро материализоваться. В какой-то миг, споря с гидом, я испугался, что мое возмущение не пройдет для меня даром, и вот теперь, когда мы отъехали от истоков всего километров пять, не больше, меня вдруг охватил жуткий озноб. Чтобы согреться, поверх свитера я надел теплую куртку, но озноб пробирал только сильнее. Я попросил Батрана закрыть окно и включить обогреватель салона – не помогало. Пришлось достать из рюкзака спальник, расстегнуть его, превратив в одеяло, и укутаться с ног до головы. Но невыносимый холод внутри меня не проходил. Было ощущение, что вся энергия, создающая тепло в теле, в мгновение куда-то улетучилась. Меня всего трясло, зубы стучали, воля уходила, и едва удавалось сдерживаться, чтобы не застонать. А серпантин все вился и вился... И ни одного поселка...

Тьма опустилась быстро. Батран включил фары. Я попросил его остановить машину, когда будет водопад – мучила жажда. Но водопада долго не было, и я достал из багажника драгоценную бутылку с водой Ганги, которой хотел угостить своих друзей в Москве. Отпивая воду из горлышка маленькими глотками и молитвенно прося Великую Гангу исцелить меня силой своей воды, я еще мог кое-как держаться.

Так прошел час, два, а может быть три, не знаю. Наконец, въехали на улицу между двумя рядами каких-то домов. Ни одного зажженного окошка, ни фонарика, темные силуэты людей и животных бродят и толпятся на площади, будто я вижу сон; только на торговых тележках и в лавочках продавцы жгут свечи. «В истоках Ганги стояли дома без людей, но тогда было светло, а теперь есть люди, но везде тьма... Все как-то символично», – ум снова пытался привязать увиденное к каким-то законам, но ему не хватало

энергии думать. «В этом городке тьмы я не хочу останавливаться», – опять я услышал свой голос как бы со стороны и тихо прохрипел:

– Поехали, Батран, дальше.

Но машина ползла, ползла и остановилась у отеля.

– У них повсюду вырубили свет, – сказал я. – Надо ехать дальше.

– Мне хозяин запретил ездить по горам в темноте.

– Поехали.

Батран долго выжидал, уставившись в темноту дороги, и давая мне возможности осознать, правильно ли я поступаю, но потом включил передачу. Мы снова понеслись над бездной.

К счастью, следующий поселок с освещенными улицами мы обнаружили, отъехав всего километров пятнадцать по серпантину. Там я остановился в первом попавшемся отеле с толпами тараканов в туалете. Батран остался ночевать в машине. Изнемогая, я добрался до кровати. В номере, как всегда, грязное белье. Но наволочку заменила натянутая на подушку запасная чистая футболка. Спальник подстелил под большое толстое одеяло, залез под него, сняв только куртку, и таким образом создал себе уют. Вдобавок на полу возле моего изголовья стояла целая батарея пакетов с соком и минеральной водой, которыми я успел запастись в лавке. Так можно было протянуть довольно долго, даже если бы пришлось остаться в отеле еще на несколько суток.

Я лежал, стараясь ни о чем не думать, но мысль упорно билась: «Холодно, как же холодно!» Чтобы согреться, постарался представить яркий-яркий свет, который создает миры, вообще все, в том числе и меня; глубоко дышал, проводя прану по энергетическим центрам тела. Не помогало.

Потом я устал дышать и тогда чувства неудержимо навалились на меня. Я вдруг осознал себя маленьким несчастным человеком, который вынужден так долго страдать и испытывать одиночество и все чего-то искать, в то время как другие люди, даже намного моложе меня, давно уже нашли себя и живут спокойной жизнью, имея спутниц и детей. Вся жизнь в эти минуты, казалось, пронеслась перед моими глазами: отношения с женщинами, с друзьями, родителями, ранняя смерть отца и матери и ее невыносимые страдания во время про-

должительной болезни. И теперь я снова вспоминал парнишку-гида: «Может быть он хватался за единственную возможность заработать деньги, чтобы как-то помочь своей семье...», и старушку-нищенку на Мейн базаре, которая долго стояла у меня над душой, пока я ел суп за выносным столиком в забегаловке. «Я ведь ей тоже не подал милостыню за неимением мелких денег».

Я вспомнил великих христианских подвижников, которые все происходящее, все тяготы воспринимали как волю Божию и не противились этому. Но мне было жаль себя, лежащего в этом грязном отеле где-то на краю света. Слезы градом потекли из глаз, вырвался всхлип, и я укрывшись с головой, чтобы исчезнуть для внешнего мира. «Смиряюсь, Господи, все по твоей воле происходит, смиряюсь», – только и повторял я одно и то же, не зная, что сказать больше.

Я не заснул, но, казалось, забыл весь этот мир, и когда вернулся из забытья, почувствовал, что тело стало нагреваться и очень скоро меня бросило в жар, так что пришлось снять одежду. Быстро со мной стало происходить чудесное превращение: через минут двадцать и жар схлынул, и я, уже спокойно отдыхая под одеялом, не мог понять, как я вообще только что мог переживать такие душевные и физические муки.

Стало очень блаженно. Хотелось лежать так долго-долго. Стал перебирать все свои знания о тех гуру, которые нашли путь к Высшему, создающему все Разуму без помощи Христа, но подумал: у них должно быть были свои посредники. Так, свами Сумиран рассказывал, что Рамакришна вышел в нирвану через Богиню Кали, перед которой он трепетал с детства, но ему для этого пришлось ее разрубить мечом. Жуть! Как это может уложиться в голове обычного человека!

В совершенном спокойствии я вспоминал все, что слышал от Сумирана на его сатсангах и что дало мне такую силу перед поездкой на Гонготри. «Измененное состояние сознания позволяет увидеть, что связь с пространством не абсолютна. Все есть сон. Но ум объясняет, что тот сон, когда

вы спите, это не реальность. Но это только концепция, договоренность: таким образом разум сохраняет отождествленность с телом и делает вывод: все остальное нереально. Ведь если сон – реальность, то что есть тело? Кто тогда я? И я начинаю испытывать страх. Мне нужна конкретность самоопределения. Мое привычное переживание – это привычное состояние я. Но даже в измененном состоянии сознания мы не теряем привычку отождествляться. Во сне причинное тело воспринимает окружающий его мир и отождествляется по отношению к нему. И когда сознание переходит от эфирного тела к астральному, а затем последовательно к более тонким телам, оно все время отождествляется с ними. Можно путешествовать в любых мирах и сохранять отождествленность с телом. Но также можно научиться и не отождествляться в одном или нескольких телах – путем ме-

дитации». Вспомнился голос свыше: «Все есть сфегри». Я лежал и думал: «Я уже так много знаю, прошел столько практик, и все это рухнуло перед испытаниями Ганги».

Вскоре, ощутив сильный голод, я спустился в ресторан, расположенный под отелем, и хорошенько перекусил. Я чувствовал себя как ни в чем не бывало, не переставал удивляться произошедшему со мной чуду и понимал, что во мне что-то переменилось...

А ночью мне снились сны. Я видел Батрана, спящего в машине, друзей, оставленных в Массури. Потом снилась широкая Ганга в междугорье, расположенные вдоль нее ашрамы, в которых наша группа встречалась с разными учителями. А по берегам было много деревьев и обезьян, и одна из них вырвала у меня пакет с продуктами. А в ашраме Ошо я встретил красивую индианку с необыкновенными большими и глубокими глазами. И когда она обернулась, наши взгляды встретились, и мы на какое-то мгновение реально растворились друг в друге. Возможно, это была иная часть меня. Но у этой девушки был любимый парень, необыкновенный сатвический человек, тоже ашрамит. И вот что удивительно: в последующие дни путешествия по Индии все события именно так и сложились.

Наутро я записал в дневнике:

«Трудно русскому пройти к Богу без помощи Христа, если вообще это возможно. Иисус Христос, сын Божий, взял на себя все испытания и потому заслужил у Отца Небесного просить помощи за нас. Нам самим пройти к Абсолюту невозможно, не знаю, по крайней мере, у меня не получилось... Искушитель – разум задает мне такие волнения и страдания, что если не будешь просить помощи у Господа – не вынесешь. Но настоящая помощь придет только тогда, когда полностью смиришься, и тогда, быть может, пройдешь дальше».

Третий день. Легкое возвращение

Я проснулся в пять тридцать, сделал легкую зарядку и пошел искать автомобиль с Батраном. Водитель мой уже докуривал сигарету. Его магнитола, наконец, заработала, и он, сидя на пассажирском кресле, с наслаждением слушал веселую индийскую музыку. От завтрака в гостиничной столовой Батран отказался. Тогда я сдал ключи хозяину отеля, сел в машину, и мы помчались в сторону Массури. Дорога извивалась змеей над обрывами, за поворотами открывались новые перспективы... Над седоглавыми семьятысячниками, которые людям кажутся вечными, пробивался малиновый свет и дальние облака начинали окрашиваться золотистыми лучами. На душе было радостно и спокойно, дышалось свободно. Я знал, что попаду к своим еще до начала прогулки к очередным местам силы.

Москва, декабрь, 2009 г.

ПО КИТАЮ С ВОСТОКА НА ЗАПАД

Целью этой поездки было знакомство с буддийской культурой и природой Китая. Планируя посещение отдаленных малоизвестных европейцу городов, я вспомнил о Егоре, который когда-то снимал у меня комнату, а теперь вот уже год жил в Шанхае. Он работал учителем английского языка в одной из Шанхайских средних школ.

В гостях у буддистов

Шанхай встретил промозглым, пронизывающим насквозь ветром. Несмотря на это, мне в первые два дня удалось посетить пару буддийских храмов – Егор их отметил точками на подаренной мне городской карте. Еще один день запомнился тем, что я умудрился съесть в ресторане нанизанных на деревянную палочку гигантских кузнечиков, по ошибке приняв их за поджаренных воробьев, и потом в историческом музее мне было плохо.

Я поселился у Егора на квартире, которую они снимали на двоих с другом Ли. Егор-то мне и предложил в сопровождающие мой товарищ, так как Ли временно не работал. Но Ли не знал ни русского, ни английского... Дискомфорт первых дней усугублял страшный дубняк в комнатах. Приходилось спать под двумя одеялами в тренировочном костюме и свитере, притом, что всю ночь работал скрипучий настенный калорифер. На мой вопрос об отоплении Егор сказал, что город поделен рекой на северную и южную часть, и в свою бытность Мао Цзэдун посчитал, что в северных районах должно быть отопление в домах, а в южных – нет, ведь горожане же живут на юге...

Но, конечно, за бытом и трудом китайцев наблюдать было интересно. В городе с большим количеством полицейских всегда можно увидеть нелегальных разносчиков еды, сигарет и прочих товаров. Народ приветливый, но по-английски говорят единицы. И это в таком мегаполисе, как Шанхай, что уж говорить о других городах... В оформлении улиц старых кварталов иногда встречается много красного цвета: гирлянды буддийских фонарей, вывески, какие-то

символические украшения. Старые кварталы и трущобы гармонично вписываются в районы новостроек с небоскребами. Великое множество маленьких магазинчиков, ресторанов и простых забегаловок встречается повсюду. И везде люди, люди, люди. Между прочим, в Шанхае не так много нищих, как в Москве.

Съемная квартира моих друзей располагалась на четвертом этаже старой пятиэтажки. Входная дверь закрывалась символически. Обстановка крайне непритязательная. Егор и Ли, круто повернутые на буддизме, при любой возможности читали мантры. Ли не выпускал из рук четки даже в метро. Комнату Егора на две части разделяла ширма, за которой находился большой алтарь. На балконе стоял чан, наполненный золой. В нем друзья-буддисты сжигали еду для злых духов. Почти еженедельно они совершали ритуал милосердия. Для этого шли на рынок, покупали рыб или черепах и отпускали их в приток Янцзы, протекающий недалеко от их дома. В общем-то в этом нет ничего удивительного, ведь буддисты считают, что сознание всех живых существ едино, и этим они как бы спасали себя... Егор кормил маленькую мышку, которая завелась в квартире, и не трогал даже тараканов, позволяя им спокойно ползать...

Деньги у друзей шли в общий котел, однако питались они кое-как, в основном заваривали лапшу, изредка поливая ее каким-нибудь соусом. Несколько раз мы с Егором ходили обедать в столовую храма Нефритового Будды, располагавшегося за два квартала от его дома. Вегетарианская еда там была очень вкусная. Впрочем, монастырская и храмовая еда всегда благостно усваивается. Она приготавливается в смирении, а это особые вибрации души. Конечно, живя с буддистами, никакое мясо или рыбу принимать в пищу было невозможно, а хотелось столько всего попробовать. Приходилось смиряться и покупать утку по-пекински, изготовленную из сои...

Все китайские приморские города славятся изобилием свежих морепродуктов. Моллюски, ракушки, креветки, скампии, различные рыбы выставлены перед ресторанами в специальных аквариумах или тазах. И, конечно, мирянину хочется отведать всей этой экзотики. Но когда в какой-нибудь забегаловке я пытался заказать рыбу или мясо, Егор начинал так много говорить о единстве всего сущего, что у меня отпадала всякая охота пререкаться.

За эти три дня, проведенные в Шанхае, пришло окончательное решение отправиться в одиночное путешествие на юг Китая. Кроме всего прочего, мне необходимо было сделать репортаж о китайской парковой рыбалке, а в холодном Шанхае рыболовов было мало. Егор назвал несколько достойных посещения городов, помог купить билет на поезд Шанхай – Куньмин и пообещал в случае затруднения при общении с китайцами послужить телефонным переводчиком – местную симкарту я завел сразу.

Город вечной весны

Куньмин находится в предгорьях Тибета. Я добирался до него двое суток в четырехместном купе скорого поезда в обществе китайцев. За долгую дорогу одни выходили на станциях, другие входили. В основном все сдержанные и приветливые. Но в поезде встретилось несколько молодых людей, которые весьма активно болтали со мной на английском. За окном мелькали деревья, рисовые поля, холмы. Южнее горы уплотнились, между ними замелькали многочисленные реки, озера, пруды. Зелени на склонах стало больше, потянулись субтропические леса и бамбуковые рощи. Бросались в глаза многочисленные террасы с насаждениями фруктовых деревьев и винограда; мелькали зеленые грядки овощных культур. У китайцев не пустует даже самый маленький клочок земли, на котором можно хоть что-то посадить. Проезжаешь многочисленные города, поселки и видишь, что урожай могут возделывать даже перед многоэтажками на маленьких плантациях. А ведь это зима! Урожай здесь снимают по несколько раз в год.

В Куньмине поселился в четырехзвездочной гостинице недалеко от железнодорожного вокзала на улице Beijing Lu. Вначале, блуждая по улицам и переулкам, немного нервничал, ведь даже слово «Hotel» встречные горожане не понимали. Но потом смирение вывело. Я нашел двухместный номер, почти бизнес-класса всего за 175 юаней в сутки (26 баксов) с завтраком. А какой здесь завтрак! Не завтрак, а целый обед!

Обстановка номера в китайской традиции. Стильные картины, торшеры, люстра... На полу толстый восточный ковер. Широкая двухместная кровать, кресла и столики инкрустированы позолотой. На подносе набор посуды и упаковок чая для чайной церемонии. Все продумано, вплоть до расположения выключателей. За стеклянной перегородкой – ванная комната с сантехникой, сделанной по последнему слову техники. Ну и, конечно, бесплатные комплекты гигиенических принадлежностей: зубная щетка, шампунь, крем для бритья и т.п.

Повеселевший после обретения жилья, пошел гулять по городу, руководствуясь купленной городской картой. Куньминь называют городом вечной весны. Расположен он на горном плато на высоте 2000 м. В теплом чистом воздухе действительно чувствовалась весна, ярко светило солнце и все люди казались жизнерадостными. Я прошел через центр города с его суперсовременными, внешне совершенно стеклянными зданиями. К некоторым из них были пристроены инопланетного вида связующие переходы. Эти здания хорошо гармонировали с расположенными по соседству древними буддийскими сооружениями и центральной площадью, на которой было много интересных скульптурных композиций, выполненных из бронзы. Расположившись в беседках на краю уютного бассейна, горожане созерцали плавные движения золотых рыбок, кормили их покупной прикормкой.

Проникнувшись необыкновенным спокойствием людей, я направился к Западной и Восточной пагодам. Они стоят на расстоянии 150 м друг от друга, и разделены двумя параллельными дорогами. На территории пагод разбиты маленькие уютные сады. Возле Восточной пагоды в окружении цветущей сакуры большая группа стариков играла в какую-то национальную игру типа шашек. Женщин среди них не было. Но когда я оказался в саду Западной пагоды, здесь, напротив, в маленьких постриженных аллеях было много женщин и старушек. Одна их компания играла за столом в карты; пенсионерки на скамейках вязали, две пластичные женщины танцевали под национальную музыку, льющуюся из переносной магнитолы. В тыльной части сада на стене галереи я увидел прекрасные старинные фрески на тему рождения, молодости и старости. Возле них на деревянных скамейках отдыхало несколько пар влюбленных.

Пройдя старые и новые кварталы, канал и необычные развязки дорог, позволяющие проезжать скоростному транспорту прямо через центр города, я к концу дня попал в парк Цуйху.

Китайские парки – это моя новая любовь и отдельная тема. Здесь расскажу о них лишь вкратце. Парк Цуйху включает в себя четыре разделенных аллеями озера. Постройки в виде пагод окружены ухоженной растительностью: пальмы, акации, цветущие сакуры. Склоненные над водой плакучие ивы – пока еще без листвы – отражались в чистой воде, на которой степенно плавали лебеди и утки. Не сказать, чтобы народу было много. Горожане в основном парами и поодиночке прогуливались, развлекались на аттракционах, покупали какую-то еду с лотков, сидели в созерцательных позах в беседках.

Понаблюдав за двумя рыбачками (они пытались ловить рыбу на леску с руки), я отправился по тихой аллее между озерками и вскоре услышал красивую китайскую музыку. В этом уютном уголке возле воды расположилось несколько маленьких ансамблей в окружении слушателей. В основном это были пожилые люди, но присутствовали и молодые. Национальные струнные инструменты сочетались со скрипкой или баяном. Музыканты пели, а слушатели им подпевали. Возле одной компании очень грациозно танцевали две женщины. И такая лилась добрая энергия от всего этого, что на глаза наворачивались слезы... Как замороженный простоял я возле ближней группы старичков, а небосклон над дальними домами тем временем

потускнел. Сквозь кроны ив стал пробиваться красивейший закат. Спohватившись, отправился подыскивать подходящий пейзаж для фотосъемки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.